

Александр Высоцкий

**ИРОНИЯ ИСТОРИИ И ЛЕГИТИМАЦИОННАЯ
ПОЛИТИКА**

*Ирония как негативное начало –
не истина, но путь.*

С. Кьеркегор

Постановка проблемы. Легитимационная политика бессмысленна и нефункциональна, если при её осуществлении не учитывается фактор иронии истории. Легитимационная политика как социальный и политический институт возникает с появлением дифференциации общества, с институционализацией власти, политики, с образованием государства. В состав её основных функций входит объяснение, обоснование и оправдание власти и политики, создание благоприятных возможностей для деятельности политических субъектов. Сохранением своего господства, реализацией грандиозных планов мироустройства успешные правители были обязаны продуктивному функционированию легитимационной политики. И наоборот. Просчёты в проведении легитимационной политики заканчивались поражениями и утратой власти для недостаточно мудрых стяжателей прав на управление ходом истории. Одним из главных просчётов легитимационной политики является пренебрежение фактором иронии истории, которая означает радикальное несовпадение политического проекта с его реализацией на практике. Характер отношения к данному фактору является одним из критериев распознавания перспективной легитимационной политики от обреченной на провал.

В настоящий момент значение легитимационной политики как политического института необычайно велико. В XXI веке она является не только инструментом обретения и удержания власти политическими субъектами, обеспечения перспективности и плодотворности проводимой ими политики, но и, в первую очередь, механизмом достижения мира и стабильности на планете, гарантирования культурного и физического выживания всего человечества без предпочтений и исключений. Однако пренебрежение фактором иронии истории при построении легитимационной политики сводит на нет весь её позитивный

потенциал, делает сомнительными и безосновательными надежды большинства жителей планеты на безоблачное будущее. Исходя из этого, рассмотрение феномена иронии истории в контексте решения проблемы построения плодотворной легитимационной политики является заслуживающим внимания и, безусловно, актуальным.

Обзор литературы. Феномен иронии истории был впервые выявлен и рассмотрен Г. В. Ф. Гегелем в «Лекциях по истории философии» и «Философии истории». Этот феномен был назван Гегелем «всеобщей мировой иронией» [2, с.47], «хитростью [мирового] разума» [1, с. 32]. Сам термин «ирония истории» широко используется в ряде сочинений К. Марксом и Ф. Энгельсом («Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса, письмо «Вере Ивановне Засулич в Женеву» Ф.Энгельса и др.). Интересно, что последний указывает на заимствование данного термина у Гегеля [10, с. 263]. Осмысление феномена иронии истории нашло продолжение в работах американского религиозного мыслителя Райнхольда Нибура, испытавшего сильное влияние марксизма. К наиболее значительным из его работ относятся «Вера и история» (1949 г.) и «Ирония американской истории» (1952 г.). Р. Нибур вплотную подошёл к осознанию перспектив преодоления иронии истории в свете решения проблемы формирования оптимальной легитимационной политики. Однако при этом он, по сути, отказался от построения действенной модели минимизации эффекта иронии истории в политической сфере [6; 7; 15].

Огромный массив литературы посвящен исследованию проблемы легитимации власти и политики. Особое значение для рассмотрения сути и механизмов легитимационных процессов имеют работы С. Рябова [8], Ю. Хабермаса [9], Т. Франка [12], Б. Тёрнера [17], А. Бучанана [11], А. Херитиера [13], М. Хёрета [14], Дж. Шаара [16]. Однако, к сожалению, ни один из вышеназванных авторов не уделил внимания рассмотрению роли иронии истории в контексте осуществления легитимационной политики.

Этим, собственно говоря, в значительной степени и объясняется важность и необходимость осуществления цели данной работы – осветить значение иронии истории в решении проблемы реализации эффективной легитимационной политики.

Легитимационная политика может быть определена как деятельность, направленная на обеспечение необходимых социальных предпосылок и ресурсных возможностей для успешной реализации намеченного или осуществляемого политического проекта. Совершенно понятно и естественно, что легитимационная политика в воплощении любого политического проекта терпит поражение, если подвергается неучтённому действию иронии истории. Чтобы предотвратить или быть готовым к иронии истории, нужно понять, что она собой представляет.

Как известно, слово «ирония» греческого происхождения и первоначально означало притворство либо насмешку. Будучи негативным началом, ирония является метафизичной по своей сути, поскольку разоблачает неподлинность наличного бытия, преодолевая физический, природный уровень реальности. В этом смысле можно сказать, что ирония имеет совершенствующее значение. Она способствует освобождению, трансценденции, прорыву за грань привычного и возможного. Как методологический приём познания истины через выявление противоречий ирония используется Сократом в диалогах Платона.

У Гегеля ирония приобретает онтологический статус, превращаясь во всеобщую мировую иронию. Если у древних греков, скажем, у Аристофана или Платона, ироником (субъектом иронии) выступает действующее лицо, человек, то у Гегеля ироником становится мировой разум, идея, дух. Его жертвой оказывается самоуверенный человек, которому не удалось преодолеть частное, индивидуальное в себе. «Самоуверенность человека, делающего что-то со всей серьёзностью и получающего всегда противоположное тому, к чему он стремится... – отмечал философ, – такая самоуверенность комична» [2, с. 71].

Если субъекты исторического процесса не могут возвыситься над своим частным и незначительным до всеобщего, они оказываются, согласно Гегелю, необходимыми жертвами в разрешении противоречия между частным и всеобщим. «Можно назвать хитростью разума то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред... Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного

бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов» [1, с. 32].

Проницательностью, своевременностью, пониманием исторической необходимости характеризует Гегель исторических личностей, сумевших добиться достаточной легитимности для реализации своих политических проектов. «Историческими людьми, всемирноисторическими личностями являются те, в целях которых содержится... всеобщее. Такие лица, преследуя свои цели, не сознавали идеи вообще. Но в то же время они были и мыслящими людьми, понимавшими то, что нужно и что своевременно. Их дело было знать это всеобщее, необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать её своей целью и вложить в её осуществление свою энергию. Поэтому всемирноисторических людей, героев какой-нибудь эпохи, следует признать проницательными людьми...» [1, с. 29–30].

Способность исторических деятелей обеспечить легитимность для своей политики Гегель усматривал не в их таланте обосновывать, оправдывать политику, убеждать массы в её правильности, а в даре распознавать необходимое в развитии мира и следовать ему. «...Именно великие люди и являются теми, которые всего лучше понимают суть дела и от которых затем все усваивали себе это их понимание и одобряли его или по крайней мере примирялись с ним. Ведь далее подвинувшийся в своём развитии дух является внутренней, но бессознательной душой всех индивидуумов, которая становится у них сознательной благодаря великим людям» [1, с. 30].

Ирония истории или хитрый мировой разум по достижении историческими личностями их цели, играет с ними злую шутку. По словам Гегеля, «когда цель достигнута, они отпадают, как пустая оболочка зерна. Они рано умирают, как Александр, их убивают, как Цезаря, или их ссылают, как Наполеона на остров св. Елены» [1, с. 30]. Личное поражение великих деятелей Гегель видит скорее в окончании их исторической миссии, чем в расхождениях с мировым разумом в вопросе о путях дальнейшего развития мира, несоответствии их политики всемирной необходимости. Тем самым, Гегель указывает на то, что когда цель достигается, она отвергается, разоблачается мировой иронией как неистинная. «В новейшее время,— пишет философ,— также говорилось много о

сократовской иронии, которая подобно всякой диалектике допускает истинность того, что непосредственно принимается за истинное, но лишь для того, чтобы дать выявиться тому внутреннему разрушению, которое содержится в этих же самых допущениях и мы можем это назвать всеобщей мировой иронией» [2, с. 47]. Таким образом, будучи близок к метафизическому пониманию основ легитимации политики, Гегель сводит исторический процесс к игре страстей, где великие деятели только марионетки в руках мирового разума. Это дает ему возможность успешно применять диалектический подход к пониманию мировой истории. Вместе с тем, догматическая приверженность Гегеля диалектическому подходу не даёт ему возможность сделать вполне напрашивающийся из его наблюдений вывод о том, что любая цель, а великая – в наибольшей степени, не является истинной. Следовательно, уже сама попытка поставить цель и реализовать её, если это делается без должной иронии (самоиронии), делает исторического деятеля участником комедии, где роль ироника исполняет мировой дух. Разоблачая противоречия, ирония истории указывает на насилие как их главный источник, на насилие, которое проявляется уже в навязывании каким-либо индивидуумом цели мировому развитию и усилиях по её воплощению.

Ирония истории выполняет функцию деструкции иллюзий в политике. Стремления и претензии политических деятелей входят в противоречие с реальным их воплощением, в силу потенциально заложенного в них насилия. В этом смысле интересны наблюдения Ф. Энгельса, который в письме «Вере Ивановне Засулич в Женеву» в 1885 г., касаясь вопроса об иллюзиях революционеров, отмечал: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, что сделанная революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать» [10, с. 263]. По словам классика марксизма, «иронии истории смогли избежать лишь немногие исторические деятели» [10, с. 263]. Все же остальные субъекты политических изменений, в том числе и революционного характера, оказавшись в плену своих иллюзий, прежде всего в отношении своей роли в происходящих событиях, оказывались лишь инструментом действия сил, которые они высвобождали. «...Горсточка людей может сделать революцию, – писал Ф. Энгельс, – другими словами,

одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии, и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить. Раз уж порох будет подожжен, раз уж силы будут высвобождены и народная энергия из потенциальной превратится в кинетическую, люди, которые подожгли фитиль, будут подхвачены взрывом, который окажется в тысячу раз сильнее их и будет искать себе выход там, где сможет, в зависимости от экономических сил и экономического сопротивления. Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, – ну, так что же? Пусть только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, – поток сам быстро положит конец их иллюзиям» [10, с. 262–263].

Слова Ф. Энгельса оказались пророческими для деспотическо-бюрократической России, в отношении которой он писал: «стоит в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год» [10, с. 263]. Предсказание Ф. Энгельса вполне созвучно нынешней ситуации в Украине, где ирония истории может не замедлить в полной мере проявить себя. Накопившиеся социальные противоречия, если их своевременно не снять, могут вылиться в новую революцию, которая уже будет направлена не против авторитарно-олигархической власти, а против «владельцев заводов, домов, пароходов». Всё дело в том, что неоправдавшиеся иллюзии выступают движущим фактором новых, более радикальных социальных инициатив. Однако не обязательно, что новые инициативы найдут адекватное первоначальному замыслу воплощение. В этом и проявляется ирония истории. Её своевременное снятие при реализации эффективной легитимационной политики предполагает первоначальное ироничное отношение к продумыванию стратегии осуществления легитимации в сфере политики. Это предполагает полный отказ от претензий на знание, на истинное понимание обстановки, тенденций и перспектив. Преодоление иронии истории возможно, если за основу действия берётся сократовская установка: «я знаю то, что ничего не знаю». Собственно, это «незнание», по верному наблюдению А. Ф. Лосева, и есть ирония [4, с. 564].

С отказом от любых универсальных методов, норм, принципов в политической деятельности связывал возможность

преодоления феномена иронии истории при решении проблемы легитимной политики американский религиозный мыслитель Райнхольд Нибур, исследовавший феномен иронии истории в ряде своих работ, наиболее известной из которых является «Ирония американской истории» [15]. «Когда практически имеешь дело с реальными человеческими ситуациями, – писал Р. Нибур, – невозможно настаивать ни на одном моральном абсолюте. Равноправие остаётся единственно возможным, хотя и не очень точным критерием оценок. Поскольку ничья жизнь не может цениться, если только все жизни не равноценны, высочайший общественный долг обязывает направлять общественную борьбу таким образом, чтобы достичь наиболее стабильного и сбалансированного соотношения социальных сил, которое предоставило бы равные возможности для развития всех. Но при расчётах лучшего метода достижения равноправия возникает так много условных факторов, что абсолютные нормы становятся бесполезными. Какой мерой можно сравнить чреватый опасностями способ добиться предсказуемых социальных результатов с безопасным методом получения непредсказуемых результатов? Как изменить спокойствие текущего момента по отношению к тревожному, но многообещающему будущему? И как проверить ценность любой социальной надежды? До какой степени она иллюзорна и насколько элемент иллюзорности обесценивает её? На такие вопросы прежде всего невозможно ответить с помощью безобидных рациональных калькуляций. Окончательный ответ на них может быть дан только потребностями реальной истории, где случайные факторы и непредсказуемые силы могут иметь больше веса, чем самые приятные и убедительные абстрактные рассуждения» [6, с. 487–488].

Источник иронии истории Р. Нибур усматривал в том, что человек не воспринимает жизнь во всей полноте как благоую, стремится навязать миру свои представления и предъявить ему свои претензии, в результате борясь против одних проявлений зла, он вызывает ещё большие несчастья и несправедливости [7, с. 500–501].

Проповедование Р. Нибуrom целостного восприятия жизни, ценности гармоничного отношения между людьми, восприятия человеком себя в надмирной перспективе через следование закону

любви в некоторой мере созвучно постулатам даосской метафизической доктрины. «Благодаря любви я могу быть отважен,— замечал Лао-Цзы.— ...Любовь приносит победу тому, кто нападает, и оберегает того, кто защищается» [3, с. 323]. «У премудрого человека нет постоянного мнения,— указывал основоположник даосизма,— ...премудрый человек, царствуя в мире, всё вмещает в себя и ради мира замутняет своё сердце» [3, с. 253].

Как видно проблема иронии истории как несоответствия получаемых результатов стремлениям политиков была актуальной ещё в Древнем Китае. Её суть лучше всего выражена в следующих высказываниях: «...тот, кто теряет, порою приобретает, а кто приобретает — тот теряет» [3, с. 228]. «Когда кто-то хочет завладеть миром и переделать его, я вижу, что он не добьётся своей цели. Мир — божественный предмет, переделать его нельзя. Кто будет его переделывать, погубит его; кто будет держаться за него, потеряет его» [3, с. 177]. «Чем больше в стране законов и приказов, тем больше разбойников» [3, с. 284].

Стратегия легитимационной политики, принципы которой сформулированы в даосских текстах, основана на иронии метафизического порядка, иронии, открывающей Путь беспредельного совершенствования через отказ от общепринятого, привычного, традиционно считающегося правильным и ценным. Следуя духу парадоксов даосской мудрости, можно отметить, что именно изначальная ирония отношения к миру и к самому себе способна открыть подлинность существования, принципиально устраняющую иронию истории.

Легитимационная политика, согласно даосской традиции, должна базироваться на жизненности всего живого. «Способность живого существа расти и претерпевать превращения есть самое непосредственное и всеобщее проявление силы, и следовательно, власти,— пишет В. Малявин.— Творческая мощь жизни, преображающей самое себя,— вот подлинный источник власти» [5, с. 5]. Именно жизнь в своём непосредственном проявлении определяет поведение людей. «В людях природная сила жизни проявляется и осознаётся как власть, то есть способность определять и направлять поведение других людей» [5, с. 5]. Такая сила составляет основу политики.

В даосской традиции насилие отвергается в любых его формах. «Когда ум повелевает жизненной силой – это насилие» [3, с. 277], – считал Лао-Цзы. Основой легитимационной политики является естественность: «Устраните «мудрость», отбросьте «разумность», и польза людям будет стократная. Устраните «человечность», отбросьте «справедливость», и люди вернутся к почитанию и любви» [3, с. 132].

Успешную легитимационную политику может осуществлять, исходя из основоположений даосизма, только тот, кто «не имеет “своего взгляда”», «не имеет “своего мнения”», «не рвётся вперёд», «не хвалит себя», «ни с кем не соперничает» [3, с. 147]. «Когда миром правят отстраненно-покойно, люди просты и добродушны. Когда миром правят придирчиво-строго, люди хитры и коварны» [3, с. 288]. Согласно родоначальнику даосизма, только тот, «кто чист и покоен, сможет выправить мир» [3, с. 238]. «...Премудрый человек, – считал китайский мудрец, – отвергает крайности, отвергает излишества, отвергает роскошь» [3, с. 177]. Только такой человек, в соответствии с даосской метафизической доктриной, идёт дорогой жизни, а значит может избежать иронии истории.

Выводы. Таким образом, ирония истории выполняет функцию определения меры легитимности политики. Вместе с тем ирония истории является фактором, который существенным образом влияет на результаты легитимационной политики. Соответственно, легитимационная политика, если она претендует на успех, должна учитывать эффект иронии истории. Это означает, что насилие в политике не должно превышать меру необходимости, стремления завладеть миром должны быть отброшены в пользу служения ему, долгосрочные цели вне зависимости от их позитивного содержания не должны претворяться в жизнь, если при их реализации нельзя избежать возможных негативных последствий. Искусство успешной легитимационной политики состоит как раз в том, чтобы совершать только необходимое, причём совершать своевременно. А для этого нужно отбросить всё ненужное.

1. Гегель. Философия истории // Гегель. Сочинения. – Т. 8. – М.–Л.: Соцэкгиз, 1935. – 470 с.
2. Гегель. Лекции по истории философии. Книга вторая // Гегель. Сочинения. – Т.

- 10.– М.: Партиздат, 1932.– 454 с.
3. Дао-Дэ цзин, Ле-цзы, Гуань-цзы: Даосские каноны.– М.: Астрель; АСТ, 2002.– 542 с.
 4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2 кн. Кн.2.– М.: АСТ, 2000.– 688 с.
 5. Малявин В. В. О власти и мудрости // Искусство управления.– М.: Астрель; АСТ, 2003.– С. 4–48.
 6. Нибур Р. Опыт интерпретации христианской этики // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура.– М.: Юристъ, 1996.– С. 375–513.
 7. Нибур Р. Почему Церковь не стоит на позициях пацифизма? // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. – М.: Юристъ, 1996.– С. 514–534.
 8. Рябов С. Г. Державна влада: проблеми авторитету й легітимності.– К.: НІСД, 1996.– 124 с.
 9. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории.– СПб: Наука, 2001.– 417 с.
 10. Энгельс Ф. Вере Ивановне Засулич в Женеву (23 апреля 1885 г., Лондон) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.– Т. 36.– М.: Политиздат, 1964.– С. 259–264.
 11. Buchanan A. Political Legitimacy and Democracy // Ethics.– Chicago, 2002.– Vol. 112, № 4.– P. 689–719.
 12. Franck T. M. The Power of Legitimacy among Nations. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1990.– 312 p.
 13. Héritier A. Elements of democratic legitimation in Europe: an alternative perspective // Journal of European Public Policy.– 1999.– Vol.6, № 2.– P. 269–282.
 14. Höreth M. No way out for the beast? The unsolved legitimacy problem of European governance // Journal of European Public Policy.– 1999.– Vol.6, № 2.– P. 249–268.
 15. Niebuhr R. The Irony of American History.– New York: Charles Scribners Sons, 1952.– 320 p.
 16. Schaar J.H. Legitimacy in the modern state.– New Jersey, New Brunswick: Transaction Publishers, 1989.– 359 p.
 17. Turner B.S. Nietzsche, Weber and the devaluation of politics: The problem of state legitimacy // Sociological review.– Keele, 1982.– Vol. 30, № 3.– P. 367–391.